

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021

ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИЗМА И ПОДХОДЫ К АФГАНИСТАНУ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ РОССИЯ-ИНДИЯ-КИТАЙ

Сергей Иванович Лунев

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 29 января 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 10 марта 2020</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются проблемы совместных действий России, Индии и Китая для смягчения террористической угрозы со стороны исламистских террористов в центре Евразии. Автор приходит к выводу, что, с объективной точки зрения, три гиганта имеют совершенно единые подходы к терроризму, сепаратизму и экстремизму. Более того, наряду с отказом принимать монополярное устройство мировой системы, именно борьба с подобным радикализмом, является главным параметром, способствующим реальному существованию треугольника. Однако конкретные действия трех держав не свидетельствуют о каком-то налаженном сотрудничестве. Анализ показывает, что основная причина заключается в политике Китая, крайне настороженно относящегося к Индии и желающего, чтобы Россия в одиночку противостояла террористической активности в регионе. Совместные публичные заявления остаются чистыми декларациями, не подкрепленными реальными шагами. В борьбе с исламистским терроризмом в самом КНР Пекин не предпринимает действий по ограничению внешней поддержки уйгурских радикалов (не оказывая, например, никакого давления на зависимый от него Исламабад для ограничения деятельности Межвидовой разведки Пакистана, имеющей тесный контакты с основными исламистскими организациями Южной и Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Афганистана и самого Китая), предпочитая самостоятельные действия.</p> <p>Россия пошла на достаточно широкое сотрудничество как с конкретными странами, так и с региональными и глобальными организациями в деле противостояния международному терроризму. Особое значение придается развитию контактов по данной проблематике с ключевыми стратегическими партнерами (Китай, Индия, Казахстан) и работе таких организаций, как ШОС и ОДКБ. Постоянно проводятся антитеррористические операции, правда, за пределами Российской Федерации они осуществляются лишь в очень редких случаях. С формальной стороны Россия предпринимает определенные шаги по ограничению распространению радикальных исламских идей в регионе. Широко разрекламированы антитеррористические центры и антитеррористические программы, созданные в рамках ШОС и ОДКБ. Однако практической отдачи от них по существу нет, а многие структуры попросту дублируют друга (в т.ч. и в плане отсутствия эффективности).</p> <p>Поэтому крайне необходимо наладить существенное сближение трех гигантов по вопросу о противостоянии террористической угрозы, хотя ни масштабы, ни рамки взаимодействия пока четко не определены.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., профессор МГИМО МИД России и НИУ «Высшая школа экономики» e-mail: silounev@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Россия; Китай; Индия; Афганистан; исламистский терроризм; совместные действия</p>	

Международный терроризм стал одной из базовых угроз безопасности на всех трех уровнях – глобальном, региональном и национальном. Если политический терроризм (особенно характерный для Западной Европы) и национальный терроризм стали отходить на задний план, то религиозный

терроризм стал главной опасностью. Хотя он, к сожалению, существует в формате всех мировых религий (включая буддизм, который считается наиболее миролюбивой религией), особую роль играет исламистский терроризм. До 1990-х годов Запад был основным объектом атаки мусульманских

радикалов. Представляется, что он предпринял существенные достаточно целенаправленные усилия для того, чтобы исламистский террор в последнем десятилетии столетия стал осуществляться в первую очередь против России, Индии, Китая и других стран.

Международное сообщество с 1990-х годов предприняло определенные усилия по борьбе с международным терроризмом. ООН приняла более дюжины конвенций и протоколов о сотрудничестве государств в целях пресечения этого зла. В 1999 г. Генеральная Ассамблея ООН основала специальное Отделение по предупреждению терроризма. С 2001 г. юрисдикция Международной комиссии по борьбе с отмыванием денег распространилась на вопросы борьбы с финансированием терроризма. Однако принятые рекомендации и конвенции принесли мало позитивных результатов.

События 11 сентября и объявленный США «крестовый поход» против международного терроризма посеяли иллюзии о возможности реальной радикальной борьбы всего мирового сообщества с терроризмом, но тщетные. США и Европа, продолжая делить террористов на «своих, хороших» и «чужих, плохих» парней, были согласны лишь на проведение тех операций, которые соответствовали их целям и задачам. Существовали «хорошие» террористы (косовские албанцы, чеченцы и прочие) и «плохие» (палестинцы). Усама бен Ладен был «хорошим», пока воевал против СССР и России, и стал «плохим», как только начал атаки на США.

Так, в Сирии Москве не удалось наладить эффективного взаимодействия с Вашингтоном именно из-за позиции последнего. Например, 24 мая 2016 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил о договоренности о переходе от обмена информацией к координации действий в борьбе с терроризмом в Сирии, отметив, что «налажены постоянно действующие каналы между российской авиабазой Хмеймим и американскими представителями в столице Иордании, есть прямой канал Москва — Вашингтон, а также круглосуточно работающий российско-американский

центр оперативного реагирования, который расположен в Женеве»¹. Уже на следующий день официальный представитель Пентагона опроверг данное утверждение, отметив, что американские военные не собираются проводить совместные операции с коллегами из Минобороны России против террористической группировки «Исламское государство» (ИГ²) в Сирии. Москве так и не удалось договориться с Вашингтоном о совместных антитеррористических действиях на Ближнем Востоке.

Лидеры США только заявляли о своих намерениях начать совместную борьбу с террористическими организациями на территории Сирии — в частности, с «Исламским государством» и «Джебхат ан-Нусра» (обе запрещены на территории России), но предпринимали очень мало конкретных шагов. В сентябре 2011 г. Турция, Саудовская Аравия и Катар обратились к США с просьбой начать поставки тяжелого вооружения воевавшим с Б. Асадом группам, включая террористические. Б. Обама официально отказался, но США начали оказывать логистическую помощь Турции и государствам залива в перевозке военного снаряжения экстремистам (только в августе 2012 г. было перевезено 2500 тонн, включая 400 единиц только гаубиц), а ЦРУ США приступили и к поставкам оружия террористам³. Весной 2016 г. Соединенные Штаты выступили против российского предложения о включении в санкционный список СБ ООН (вето США было поддержано Великобританией, Францией и Украиной) таких террористических группировок, как «Джейш аль-Ислам» и

¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Информационный бюллетень. 24 мая 2016 года. Режим доступа: https://www.mid.ru/press_service/bulletins/-/asset_publisher/i4uOWcG8W4iA/content/id/2291299

² Запрещено на территории Российской Федерации

³ Porter, G. How America Armed Terrorists in Syria // The American Conservative, June 22, 2017. Mode of access: <https://www.theamericanconservative.com/articles/how-america-armed-terrorists-in-syria/>

«Ахрар аш-Шам»⁴, тесно связанных с ИГ и «Аль-Каидой» (первые, правда, не согласны с тем, что ИГ убивает мусульман, полагая, что следует уничтожать только тех, кто не исповедует ислам; были зафиксированы и казни представителей других террористических групп), и они поддерживали их через программы ЦРУ США⁵. Вашингтон объявил, что эти организации способствуют деэскалации ситуации в Сирии, хотя их лидеры постоянно призывали боевиков воевать против сирийской армии и обе организации отказались от переговоров с законным правительством страны. Интересно, что накануне визита в июле 2016 г. в Москву госсекретарь США Джон Керри назвал данные группировки подгруппами ИГ и Джебхат ан-Нусры⁶.

Европейский Союз занимал до последнего времени откровенно проамериканские позиции, и во втором десятилетии нового столетия поддержал все без исключения действия США в Ливии, Сирии и Ираке, что привело к образованию ИГИЛ, крайне резкому усилению деятельности исламистских террористов, миграционному кризису в Европе и проведению массовых террористических акций в ней. При этом в целом Европейский Союз оказался совершенно неготовым к совместным действиям с Россией против международного терроризма, продолжая полностью поддерживать Соединенные Штаты. Иных позиций придерживаются только правые (скорее, даже ультраправые) политические силы. Пока только они демонстрируют стремление к созданию какой-либо коалиции с РФ против данной угрозы глобальной безопасности. Интересно отме-

тить, что подобным образом ситуация, как это не парадоксально, складывалась и в bipolarный период. За редким исключением (типа Германии) западноевропейские страны демонстрировали большее желание кооперироваться с Советским Союзом, когда у власти находились правые силы. Так, самый высокий уровень советско-французских отношений пришелся на правление самого правого послевоенного президента Франции – Шарля де Голля, а самый низкий – самого левого – Фр. Миттерана (в чьем правительстве находилось четыре коммуниста).

Ситуация с борьбой с международным терроризмом осложняется тем обстоятельством, что до сих пор даже не выработано его определение, хотя принято достаточное количество документов. Одним из первых стала «Конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него» (16 ноября 1937 г.), принятая еще Лигой Наций по результатам Конференции по борьбе с терроризмом⁷. В постбиполярном мире еще до 11 сентября 2001 г. ООН приняла более дюжины конвенций и протоколов о сотрудничестве государств в целях пресечения международного терроризма. Генеральная Ассамблея ООН еще в 1999 г. объявила о создании особого Отделения по предупреждению терроризма. Однако принятые тогда и в новом веке рекомендации и конвенции дали незначительные положительные результаты.

До сих пор никакого определения термину «терроризм» так и не дается. Ничем не закончились подобные попытки и после 11 сентября 2001 г. Во всех международных нормативно-правовых актах, в которых присутствует попытка определить этот феномен, дается крайне обтекаемая формулировка, что приводит к заранее заложенной в них институциональной слабости и позволяет каждому государству самостоятельно принимать решения, какие действия и организации оно считает террористическими. Объективности ради отметим, что и Россия по своим стратегическим и тактическим соображениям периодически не признает террористами некоторые исламские радикаль-

⁴ В феврале 2018 г. организация вошла в Сирийский фронт освобождения.

⁵ Perry, T.; Al-Khalidi, S.; Walcott, J. Exclusive: CIA-backed Aid for Syrian Rebels Frozen after Islamist Attack – Sources // *Reuters*, 21 February, 2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-rebels/exclusive-cia-backed-aid-for-syrian-rebels-frozen-after-islamist-attack-sources-idUSKBN1601BD>

⁶ Kerry, J. Remarks at the Aspen Ideas Festival and Conversation with Walter Isaacson / US Department of State, June 28, 2016. Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2016/06/259165.htm>

⁷ Введение в борьбу с терроризмом. Вена: Организация Объединенных Наций. Управление по наркотикам и преступности, 2019.

ные организации («Хезболлу», «ХАМАС» и другие).

Таким образом, в реальной практике политический курс США не никак не связан с борьбой с международным терроризмом, а Европа полностью поддерживает мирового гегемона. В результате у России нет шансов наладить с Западом полномасштабное сотрудничество по борьбе с международным терроризмом и ей необходимо искать новых партнеров на Востоке. Москва может рассчитывать на очень ограниченную кооперацию с Западом по вопросам борьбы терроризмом и только по тем аспектам, которые ему выгодны. Расчеты целого ряда российских политиков и специалистов, что напряженность во взаимоотношениях можно будет снизить благодаря взаимной заинтересованности в борьбе с международным терроризмом, вряд ли оправданны. Хотя часть прозападно настроенных политиков и экспертов продолжает заявлять, что совместная борьба с международным терроризмом возможна и приведет к значительному улучшению отношений России с США и Западом, все большее количество россиян начинает осознавать, что в этой борьбе Запад преследует исключительно своекорыстные цели и данный фактор никак не будет сказываться на двусторонних отношениях, а может и усложнить их (действия России в Сирии и реакция Запада на них демонстрирует это особенно явно). Позитивный процесс возможен только в случае смены политического истеблишмента в США и ЕС наиболее правыми кругами, что очень маловероятно в течение 10-15 лет.

Крайне негативно на глобальной борьбе с терроризмом отражаются подходы большинства стран Среднего и Ближнего Востока. Страны Ближнего Востока являлись главным финансовым донором чеченских бандитов, получивших миллиарды долларов. Турция – главный стратегический соперник России на южном фланге, который активно поддерживает различные организации (в частности, в Сирии), которые в отдельных кругах рассматриваются как террористические. Следует особо отметить крайнюю праворадикальную организацию «Серые волки», в которой состоит до 50 ты-

сяч боевиков. Она имеет не религиозную, а националистическую окраску и выступает за создание единого тюркского государства. Ее деятельность запрещена в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. Для Китая она опасна своими связями с уйгурскими террористами, для России – с радикальными тюркскими группами, в т.ч. в Сирии и Крыму. Нормализация в последнее время российско-турецких связей, по мнению большинства российских аналитиков, носит конъюнктурный характер и связана с резко обострившимися отношениями обеих стран с Западом. Можно ожидать какого-то восстановления связей в экономической сфере (тем более, что от их разрыва пострадали оба государства, а экономическая ситуация в них – достаточно сложная), но между странами будут сохраняться базовые противоречия, особенно по ситуации на Среднем и Ближнем Востоке. Следует также отметить, что российское общественное мнение не полностью поддержало новое сближение между Россией и Турцией (опросы показали, что большинство россиян недовольны даже восстановлением туристических связей). Крайне негативную роль играет и Катар, который чрезвычайно активно поддерживает исламистские террористические организации в Сирии.

Москва по существу замалчивает деятельность государств Среднего и Ближнего Востока, спонсирующих исламистский терроризм, по экономическим (так, Кремль рассчитывает на продолжении сотрудничества с Саудовской Аравией по нефти и Катаром – по газу) и стратегическим соображениям, хотя средства массовой информации и эксперты подробно освещают подобную деятельность на Большом Ближнем Востоке. В исламском мире Россия может рассчитывать на серьезные связи по существу только с Египтом.

Поэтому особое значение для РФ имеет взаимопонимание с Китаем и Индией. Россия и Индия являются наиболее принципиальными борцами с международным терроризмом, в том числе и из-за существования в двух державах этно-конфессиональных сепаратистов, получающих колоссальную поддержку извне.

Индия приняла все международно-правовые акты по борьбе с терроризмом: общие документы (Конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него, 1937); документы по борьбе с актами терроризма, угрожающими безопасности объектов воздушного пространства (Токийская конвенция о правонарушениях и некоторых других действиях на борту воздушного судна, 1963), Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, 1970), Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971), Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, 1988); документы по борьбе с актами терроризма, совершаемыми на море (Конвенция по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 и протокол к ней, 2005, Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 и протокол к нему 2005); документы по борьбе с ядерным терроризмом и преступлениями, связанными с ним (Конвенция о физической защите ядерного материала, 1980, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, 2005); документы по борьбе с «бомбовым» терроризмом (Конвенция о маркировке пластических веществ в целях их обнаружения, 1991, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, 1997); документы по борьбе с актами терроризма против лиц, пользующихся международной защитой (Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973); документы по противодействию финансированию терроризма (Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, 1999).

В 2005 г. Индия самостоятельно предложила проект Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом. Интересно отметить, что в данной разработке индийских специалистов также отсутствует определение понятия «терроризм»

как такового. Документ является квинтэссенцией синтеза имеющегося у Республики собственного опыта противодействия терроризму и взятых на себя международных обязательств. Все это позволяет Индии самой трактовать нормы собственного национального законодательства по борьбе с терроризмом для достижения внутривнутриполитических целей;

На региональном уровне южноазиатская страна была по существу самой активной силой, способствующей появлению Региональной конвенции СААРК о пресечении терроризма (1987). Индия также присоединилась к Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.) и к Соглашению о Региональной антитеррористической структуре содействия координации взаимодействия компетентных органов государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом (2002 г.)⁸.

При этом Индия активно идет на двустороннее сотрудничество в борьбе с терроризмом и подписала с различными странами билатеральные соглашения, покрывающие вопросы о выдаче террористов, об урегулировании правовых вопросов при совместном ведении уголовных дел, а также вопросы о борьбе с международной организованной преступностью, наркотрафиком, незаконной торговлей оружием, иностранными террористами-боевиками и т.д. Все эти документы были подписаны Индией с Россией, а двусторонние связи по борьбе с международным терроризмом резко активизировались с начала нового века. Подходы Индии абсолютно понятны, учитывая, что в Южной Азии действует более 100 исламистских террористических организаций⁹ (США, правда, признают наличие лишь 98 групп¹⁰).

⁸ Более подробно см. Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. М.: Юрайт, 2019. [Lunev, S.I. Regionalizatsiya i integratsiya: Indiya i Yuhnaya Aziya (Regionalization and Integration: India and South Asia). Moscow: Yurajt, 2019.]

⁹ Roul, A. South Asia: Hotbed of Islamist Terrorism // National Bureau of Asian Research, 2008, Vol. 19, No. 4.

¹⁰ Enacting Security and Stability in Afghanistan. Congressional Report / US Department of

Основным параметром, лежащим в основе концепции треугольника Россия – Индия – Китай, наряду с неприятием всеми державами монополярного мира, является угроза резкого роста мусульманского терроризма и экстремизма. КНР очень обеспокоена возможностью существенной активизации исламистских радикалов в Синьцзянь-Уйгурском районе, что может укрепить сепаратистские тенденции и в других автономных районах, на которые в целом приходится почти 60% территории Китая. Пекин также опасался тесных контактов уйгурских экстремистов с «Исламским государством», которое осуществляло подготовку боевиков из числа граждан КНР.

Особое значение имеет совместная деятельность трех держав в центре Евразии – в Афганистане и Центральной Азии. Еще в ходе встречи В.В. Путина с Манмохан Сингхом в 2013 г. стороны предложили в целях борьбы с терроризмом расширить деятельность в Афганистане региональных структур, в первую очередь, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Договора коллективной безопасности и Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии, а также диалога в формате РИК. Таким образом, Россия и Индия выразили надежду на самую тесную кооперацию с КНР в Афганистане. По мнению индийских аналитиков, после целого ряда поражений исламистских террористов они с 2018 г. особенно нацелены на активизацию своих действий в районе Пакистана-Афганистана (только за первые три месяца 2018 г. из Сирии и Ирака в Афганистан переместились 69 человек их числа верхушки Исламского государства и до 300 боевиков)¹¹.

Китайские политики полагают, что интересы их страны в Центральной Азии направлены не только на достижение экономических целей, но и связаны с ликвидацией угроз нестабильности и терроризма для самой КНР. В этом плане стратегические интересы в регионе России, Китая и Индии достаточно близки по проблемам борьбы с

терроризмом, поддержания региональной стабильности и существующих границ.

Однако в Китае не очень готовы к серьезному разговору об антитеррористической коалиции. С Россией у Китая нет противоречий, наши страны давно сотрудничают в борьбе с терроризмом как на двусторонней основе, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Но здесь сильны опасения, как в отношении Индии, с которой у КНР существуют базовые противоречия, так и в отношении того, что США, заявляя о необходимости решительной борьбы с террором, еще долгое время будут сохранять свои войска в центре Евразии, т.е. вблизи границ Китая. Подобная позиция (угроза со стороны США Китаю, да и России больше, чем со стороны мусульманского терроризма) является достаточно обоснованной, но можно не допускать Вашингтон в Центральную Азию, а присутствие США в Афганистане вряд ли будет длительным после того, как расходы на военную операцию в горной стране превысили 1 трлн долларов, а прямые потери американских военнослужащих приблизились к 2,5 тысячам человек¹² (к тому же, США будут стремиться в первую очередь стабилизировать политическую ситуацию в горной стране). В этом плане Китай рассматривает Россию как определенный противовес США в, в частности, и Западу, в целом, в Афганистане. Индия, напротив, очень опасается вывода американских войск из Афганистана, поскольку, как заявил в декабре 2018 г. бывший Генеральный директор полиции штата Джамму и Кашмир Раджендра Кумар, уход США приведет к крайне негативным последствиям для Индии, поскольку кашмирские исламистские террористы воспримут это как свою победу¹³.

Политика Индии в отношении Афганистана определяется тремя основными соображениями: 1) опасениями по поводу

Defense. June 2017, p. 18.

¹¹ Gunaratna, R. *Global Threat Forecast 2019 // Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1, p. 1.

¹² Basitis, A.; Basharis, I.; Siyech, M.S.; Mahmoodis, S.; Gunasingham, A. *South Asia: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka // Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1, p. 33.

¹³ *US Withdrawal From Afghan Will Have Implications In Kashmir // Financial Express (India)*, December 25, 2018.

победы исламистов в Афганистане, распространением исламского радикализма в Центральную Азию и возможного появления исламистского блока, состоящего из Пакистана, Афганистана и республик Центральной Азии, имеющего в т.ч. и резкую антииндийскую направленность; 2) нежеланием усиления влияния великих держав в Афганистане и роста их вовлеченности в региональные дела; 3) стремлением к превращению Афганистана в транзитную страну между Центральной Азией и Индией. Данные подходы в определенной степени противоречат друг другу, но все они имеют задачу превращения Афганистана в светское и стабильное государство¹⁴.

Все действия Индии в отношении Афганистана в постбиполярный период свидетельствуют о том, что Индия крайне опасается усиления позиций исламистских радикалов в Афганистане. Так, как только с 1994 г. религиозно-политическое движение «Талибан» стало добиваться военных успехов, индийское правительство стало прилагать усилия по оказанию помощи антиталибским силам (включая поставки вооружения Северному альянсу, направления военных советников и оказания консультационного содействия). Дели полагает, что распространение исламского фундаментализма и экстремизма в Центральную Азию в случае победы талибов – реальная угроза. Что касается создания возможного антииндийского мусульманского блока, то эту идею поддерживали пакистанские власти с момента развала Советского Союза. Для Пакистана важно создание союза дружественных ему стран для противостояния Индии и превращения в мощную региональную державу, с которой стали бы считаться основные мировые центры. Индия готова идти на самые решительные действия против исламистских боевиков. Уже к концу 1990-х годов была создана совместная российско-индийская рабочая группа по Афганистану и начался ширококомасштабный обмен информацией по исламистским террористам.

¹⁴ См., например: Hanauer, Larry; Chalk, Peter. *India's and Pakistan's Strategies in Afghanistan: Implications for the United States and the Region*. RAND Corporation, 2012. Pp. 11-23.

При этом в Индии Афганистан традиционно рассматривался как южноазиатская страна (что и дало основания для принятия его в СААРК в апреле 2007 г.), а индийский истеблишмент всегда желал укрепить свои доминирующие позиции Индии в Южной Азии, противостоял активизации великих держав в регионе и отказывался от привлечения посредников к решению региональных проблем.

Проблема обеспечения энергетической безопасности является чрезвычайно приоритетной для азиатского гиганта, и Индия заинтересована в поставках углеводородов из Центральной Азии и Каспийского бассейна. Окружной морской путь – нерентабелен, поэтому в Индии особое значение придают перспективному строительству нефте- и газопроводов через Афганистан к Индийскому океану. Декларированное стремление создания новой коммуникационной артерии по маршруту: побережье Аравийского моря – Кветта (Пакистан) – Кандагар – Герат – Кушка (Туркменистан) – Каспийское море было воспринято в Индии с энтузиазмом, как и начало изысканий американской компании по поводу строительства газопровода от Даултабатского газового месторождения в Туркменистане примерно по этому маршруту.

Приоритетные для Индии маршруты на восток и северо-восток в рамках Международного транспортного коридора «Север – Юг». ведут из Ирана в Афганистан. Первый коридор из Бендер-Аббаса и Чабахара в Герат – Мешхед – Мазари-Шариф – Термез. Второй коридор из Чабахара в Захедан – Зарандж – Кабул. Далее на север – в Мазари-Шариф и на восток – в Джелалабад и Пакистан. Ключевой становится роль г. Мазари-Шариф, как узла стратегических коммуникаций на данном направлении. Вашингтон, крайне положительно реагирующий на развитие индийско-афганских связей, даже вывел индийско-иранский проект по развитию порта Чабахар из своих антииранских санкций¹⁵.

¹⁵ Более подробно см. Лунев С.И., Юртаев В.И. Индийско-иранские отношения в 2018 г. // Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / Отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2019, с. 37-41. [Lunev, S.I.; Yurtaev,

Другие факторы, влияющие на подходы Индии к ситуации в Афганистане (положение мощной индийской торговой общины в Афганистане, возможное отвлечение активности Пакистана в северном направлении и т.д.), не играют слишком значимой роли.

Индия продолжит свой внешнеполитический курс в отношении Афганистана: будет стремиться к превращению Афганистана в светское и стабильное государство, развивать политические связи с афганским правительством, предоставлять экономическое содействие, оказывать поддержку силам коалиции (но только в плане предоставления разведывательной информации¹⁶). Можно предположить, что республика не станет особо важным актором в дальнейшем развитии ситуации, хотя афганская проблема и является для Индии очень важной.

Достаточно сходной является и политика Индии в Центральной Азии, где помимо экономических факторов, ее интересам отвечает борьба против религиозного экстремизма, терроризма, наркобизнеса, за урегулирование ситуации в Афганистане и, главное, обеспечение региональной безопасности, что будет не только способствовать стабилизации в регионе, но и препятствовать проникновению в Индию «трех сил зла», то есть национального сепаратизма, религиозного радикализма и международного терроризма, а также создаст благоприятные условия для решения проблемы Кашмира.

Россия и Индия наладили тесное сотрудничество по ситуации в Афганистане, и между ними нет никаких расхождений, за

исключением негативной реакции Дели на инициацию Москвой, при поддержке Китая, Ирана и Пакистана переговоров с афганскими талибами¹⁷. Однако, если подходы к Афганистану у Китая и Индии одинаковы с концептуальной точки зрения на борьбу за нормализацию ситуации, стабильность и противостояния исламистскому терроризму, то реальное наполнение этого теоретического подхода у двух азиатских гигантов имеет различное наполнение.

К сожалению, в обозримом будущем вряд ли возможна реальная реализация базового тезиса Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 25 июня 2016 г. – «создание “единого фронта” борьбы с терроризмом и экстремизмом при центральной координирующей роли ООН, на основе ее Устава, норм и принципов международного права, без политизации, “двойных стандартов” и предварительных условий»¹⁸, прежде всего из-за отсутствия реальных действий со стороны Пекина в отношении борьбы с единой мусульманской террористической сетью в Пакистане, Азад Кашмире и Афганистане (а ранее – и в Центральной Азии), которая имеет общие базы и тренировочные лагеря, полностью координирует свою деятельность и придерживается единой тактики и стратегии. Китай желает возложить ответственность за стабильность в регионе практически исключительно на Россию, в условиях, когда очень сложным вопросом является участие государств Центральной Азии в совместных действиях, к которым они попросту не готовы (история показывает, что из-за крайне напряженных отношений между ними страны крайне не охотно участвуют в общих акциях), а Афганистан еще десятилетия будет являться «несостоявшимся» государством. В Организации Договора о коллективной безопасности, которая во многом

V.I. Indiisko-iranskije otnosheniya v 2018 g. (Indian-Iranian Relations in 2018) // West-East-Russia 2018. Yearbook / Ed.: A.S. Prozorovsky, V.G. Khoros. Moscow: IMEMO RAS, 2019, pp. 37-41.]

¹⁶ При правлении Индийского национального конгресса даже обсуждалась идея о самом решительном участии в афганском конфликте (включая направление до 100 тыс. войск). Правда, она была признана маргинальной, и министр обороны Индии А.К. Энтони указал: «Я категорически заявляю, что не стоит вопрос о направлении индийских войск ... ни сейчас, ни в будущем» (Antony: India Will not Send Troops to Afghanistan // The Hindu (New Delhi), October 29, 2009.

¹⁷ Basit, A.; Mahmood, S.; Bashar, I.; Siyech, M.S. South Asia. Afghanistan, Pakistan, Bangladesh, India // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2018, Vol. 10, No. 1, p. 36.

¹⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 25 июня 2016 года / Сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

идет с ШОС по параллельному курсу, существует крайне сложная процедура принятия решений, что требует очень много времени, постоянно возникают разногласия между странами, из-за чего организация является неэффективной и может «гордиться» исключительно учениями, а реальных операций она не проводит. В декабре 2017 г. Кабул объявил о согласии Пекина построить военную базу в провинции Бадахшан, соседне Синьцзяна, но министерство обороны Китая дезавуировало это заявление¹⁹.

Китай не оказывает даже нажима на Пакистан, который весьма существенно зависит от своего соседа и в политическом, и в экономическом плане, для сдерживания Межвидовой разведки Пакистана, создавшей «Талибан» и до сих пор контролирующей многие действия организации²⁰, оказывавшей крупномасштабную помощь «Аль-Каиде» (Усама бен Ладен был под контролем организации с конца 1980-х годов) и поддерживающую уйгурских исламистов в Синьцзяне и ряд религиозных групп в Центральной Азии. Более того, многие эксперты полагают, что китайские граждане в ближайшее время превратятся в мишень для исламистских организаций Пакистана (особенно выделяют Техрик-е Талибан Пакистан и Армию освобождения Белуджистана, которая борется за независимость своего штата)²¹. Еще в июне 2014 г. в лаге-

рях боевиков в Пакистане насчитывалось до 1000 китайских джихадистов²². Правда, после взрыва бомбы в Урумчи в мае 2014 г., убившей 39 человек, Пекин начал кампанию «сокрушительного удара» по экстремизму и терроризму в Синьцзяне, и крайне жесткие и часто жестокие действия КНР (по сообщениям Би-би-си, Рейтера и «Аль-Джазиры», около 1 млн уйгуров были помещены в специальные лагеря в рамках антитеррористической деятельности) весьма значительно снизили активность исламистских организаций в регионе²³.

Помимо этого, Пекин крайне негативно реагирует на энергетическую политику Индии в регионе, не желая допустить направления энергетических потоков из региона на юг. Сейчас происходит рост зависимости национальных экономик стран региона от Китая, а резкое укрепление связей КНР с Центральной Азией в сфере углеводородов позволяет Пекину диктовать свои условия даже Москве при обсуждении контрактов по данному направлению. Пекин по существу контролирует экономическую ситуацию в регионе. Их товарооборот со странами Центральной Азии вырос с 1 млрд долл. в 2002 г. до 45 млрд в 2014 г.²⁴, тогда как показатели России составили лишь 27,5 млрд (экспорт республик региона в РФ составил лишь 7,5 млрд)²⁵, а в 2018 г. объем торговли России даже упал до 25,8 млрд долл. США²⁶. Китайские инвестиции в Центральную Азию зна-

¹⁹ Sronski, P.; Ng, N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for International Peace, February 2018. Mode of access: https://carnegieendowment.org/files/331_Sronski_Ng_brief.pdf

²⁰ Basit, A.; Mahmood, S.; Bashir, I.; Siyech, M.S. South Asia. Afghanistan, Pakistan, Bangladesh, India // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2018, Vol. 10, No. 1, Annual Threat Assessment (January), pp. 37-38; Giustozzi, A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure. Oslo: Land Info. August 2017. P. 6.

²¹ Basit, A. Attacks On Chinese Nationals and Interests in Pakistan Are Likely to Continue. Here's Why // *South China Morning Post*, November 27, 2018; Jadoon, A.; Mahmood, S. Fixing the Cracks in the Pakistani Taliban's Foundation: TTP's Leadership Returns to the Mehsud Tribe // *Combating Terrorism Sentinel*, 2018, Vol. 11, No. 11, pp. 21-25.

²² Keinon, H. JCPA Analyst: 1,000 Chinese Jihadists Training in Pakistan // *The Jerusalem Post*, June 25, 2014.

²³ Mumford, A. Theory-Testing Uyghur Terrorism in China // *Perspectives on Terrorism*, 2018, Vol. 12, No. 5, pp. 19-21.

²⁴ Sternberg, T.; Ahearn, A.; McConnell, F. Central Asian "Characteristics" on China's New Silk Road: The Role of Landscape and the Politics of Infrastructure // *Land*, 2017, Vol. 6, No. 3, pp. 1-16.

²⁵ Казанцев А. Только политика: почему Россия не может уйти из Центральной Азии / Сайт РБК, 9 сентября 2016 г. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/09/09/2016/57d2a18d9a794700bf2fd935>

²⁶ Россия и Центральная Азия / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>

чительно превышают российские. Если все накопленные российские инвестиции в этом регионе составляют около 20 млрд долл. США²⁷, то к июлю 2017 г. китайские вложения в экономику одного Казахстана были чуть меньше 43 млрд долл. США (а займы превысили 50 млрд)²⁸. Огромны долги центральноазиатских стран Китаю: если его доля во внешних долгах Казахстана составляет всего 8,9%, то Киргизии – 45,3%, а Таджикистана – 51,1%²⁹. Лиц, принимающих решение в РФ, все это никак не беспокоит, и они не видят никаких угроз российским интересам от подобного сотрудничества Китая со странами Центральной Азии. Индию китайское руководство вообще не принимает во внимание.

Наиболее сложной проблемой совместных действий Китая, России и Индии в регионе являются различия в подходах к Пакистану. КНР рассматривает южноазиатскую страну как стратегического союзника, для РФ она в целом представляет угрозу безопасности (вызов Пакистана России связан не только с возможностью укрепления радикальных исламских сил и с обучением будущих террористов на территории Пакистана, но и с военной инфраструктурой последнего), а Индия воспринимает своего соседа как основного врага.

С объективной точки зрения, полностью соответствует политике России, Китая и Индии развитие совместного сотрудничества в регионе по следующим направлениям:

1. Укреплять связи в формате ШОС.
2. Добиваться транспарентности в регионе в политической и военной сферах.
3. Вести борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

²⁷ Ibid.

²⁸ China Buys Kazakhstan Lender as Xi Pushes Trade 'Belt and Road' // *Bloomberg*, June 7, 2017. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-06-08/china-buys-kazakhstan-lender-as-xi-pushes-trade-belt-and-road>

²⁹ Kitade, D. Central Asia Undergoing a Remarkable Transformation: Belt and Road Initiative and Intra Regional Cooperation / Mitsui & Co. Global Strategic Studies Institute Monthly Report. August 2019. P. 4.

4. Стремиться к уменьшению оборотов наркоторговли.

5. Действовать совместно в целях обеспечения политической стабильности в странах ЦА.

Не отрицая важности принятия общих заявлений по борьбе с терроризмом в рамках ШОС и других международных организаций (таких, как недавнее выступление стран-членов ШОС за скорейшее принятие Всеобщей конвенции ООН по борьбе с международным терроризмом), следует признать, что главное заключается в создании четко работающего тройственного сотрудничества:

– В формате организации Индия, Китай и Россия могли бы выдвигать совместные предложения по борьбе с терроризмом, которые в случае неприятия ШОС, становились бы двусторонними документами.

– Необходима организация специальной группы китайских, индийских и российских специалистов, которая смогла бы найти нестандартные решения по борьбе с терроризмом, так как чисто военные и силовые методы не очень эффективны.

– Следует принять самые разнообразные программы (военные учения, единые программы и т.д.) совместной деятельности ШОС и ОДКБ по антитеррористической деятельности, борьбе с наркотрафиком, другими вызовами и угрозами в регионе, поскольку деятельность организаций во многом дублирует друг друга.

– Крайне важно создать новые специальные китайско-российские и индийско-российские группы по обмену всей информацией о террористической деятельности в Центральной Азии и Афганистане и выдвижению конкретных проектов совместных операций.

– Было бы целесообразно организовать китайско-российскую и индийско-российскую структуры по борьбе с наркотрафиком и перекрытию источников финансирования международного терроризма.

– Возможна не только координация действий КНР, Индии и РФ по охране границ Центральной Азии и Афганистана, но и создание специальных двусторонних структур (правда, подобный пункт может показаться

не слишком привлекательным для России, поскольку Москва негласно согласилась с лидерством Китая в регионе в экономическом плане, но желает сохранить доминирующие позиции в плане обеспечения стратегической безопасности).

– Следует совместными действиями не допускать усиления позиций США и НАТО в регионе и пресекать попытки лидеров центральноазиатских государств проводить «многовекторную политику» в плане безопасности.

– Крайне привлекательно создать и тройственную группу (Китай – Россия – Индия). Учитывая, что главным препятствием этому выступает деятельность Пакистана, в этих целях следовало бы активизировать диалог Пекина с Исламабадом не только в двустороннем, но и в многосторонних форматах, в том числе в рамках, например, такой площадки, как «Диалог Китай – Пакистан – Афганистан», и подключить Россию к ежегодному контртеррористическому диалогу Китая и Индии. Принимая во внимание, что КНР имеет очень большие рычаги давления на Пакистан, в том числе и экономические, она могла бы способствовать постепенному затуханию той деятельности Межвойсковой разведки Пакистана, которая связана с поддержкой антииндийских террористических организаций. Подобную информацию можно было бы передавать Дели. Любой успех Пекина в этом направлении приведет не только к эффективной борьбе с международным терроризмом, но и к существенному улучшению отношений с Индией.

– Китай мог бы также предложить Индии наладить совместную деятельность по борьбе с исламистским терроризмом и экстремизмом в Южной Азии, например, в Бангладеш.

– Вполне возможно наладить тройственные программы в Афганистане, учитывая единство подходов по вопросам стабильности и безопасности страны.

– Интересным представляется выдвижение новых антитеррористических инициатив в тройном формате.

– Совершенствование механизма двусторонних китайско-российских и индийско-российских антитеррористических учений

и совместных антитеррористических тренировок могло бы позволить осуществить конкретную, пусть и не очень масштабную операцию, например по борьбе с наркотрафиком из Афганистана.

– Россия уже согласилась передавать всю информацию о гражданах КНР, выезжающих через территорию РФ в потенциально опасные районы, прежде всего Сирию, Иран, Ирак, Турцию. Вполне возможно осуществление совместного давления на Казахстан и другие страны Центральной Азии для получения подобной информации о гражданах Китая, Индии и РФ, находящихся на территории региона.

– Помимо проведения постоянных совместных антитеррористических учений, возможно и создание совместной постоянно действующей военной структуры.

– Китай мог бы активизировать борьбу с террористическими организациями в Юго-Восточной Азии, в чем заинтересованы также Россия, Индия и сами государства региона. На первых порах возможно ограничиться выдвиганием новых китайских инициатив в рамках международных и региональных организаций, на двустороннем уровне, а также проведением учений в двустороннем и многостороннем формате.

– Вполне возможно налаживание совместного диалога в Сирии в многостороннем формате, в который, помимо КНР, России и Сирии, вполне вероятно вовлечение Ирана, Ирака и, возможно, на некоторое время Турции.

В целом совместная борьба с международным терроризмом существенно укрепляет китайско-российско-индийское сотрудничество и вполне может стать одним из его краеугольных камней.

Литература:

Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. М.: Юрайт, 2019.

Лунев С.И., Юртаев В.И. Индийско-иранские отношения в 2018 г. // Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / Отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 37-41.

Basit, A. Attacks On Chinese Nationals and Interests in Pakistan Are Likely to Continue. Here's Why // *South China Morning Post*, November 27, 2018;

Basit, A.; Mahmood, S.; Bashar, I.; Siyeche, M.S. South Asia. Afghanistan, Pakistan, Bangladesh, India // *Counter*

Terrorist Trends and Analyses, 2018, Vol. 10, No. 1, p. 36.

Basitis, A.; Basharis, I.; Siyech, M.S.; Mahmoodis, S.; Gunasingham, A. South Asia: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1.

Giustozzi, A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure. Oslo: Land Info. August 2017.

Gunaratna, R. Global Threat Forecast 2019 // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1.

Hanauer, Larry; Chalk, Peter. India's and Pakistan's Strategies in Afghanistan: Implications for the United States and the Region. RAND Corporation, 2012.

Jadoon, A.; Mahmood, S. Fixing the Cracks in the Pakistani Taliban's Foundation: TTP's Leadership Returns to the Mehsud Tribe // *Combating Terrorism Sentinel*, 2018, Vol. 11, No. 11, pp. 21-25.

Keinon, H. JCPA Analyst: 1,000 Chinese Jihadists Training in Pakistan // *The Jerusalem Post*, June 25, 2014.

Kitade, D. Central Asia Undergoing a Remarkable Transformation: Belt and Road Initiative and Intra Regional Cooperation / Mitsui & Co. Global Strategic Studies Institute Monthly Report. August 2019.

Mumford, A. Theory-Testing Uyghur Terrorism in China // *Perspectives on Terrorism*, 2018, Vol. 12, No. 5, pp. 19-21.

Roul, A. South Asia: Hotbed of Islamist Terrorism // *National Bureau of Asian Research*, 2008, Vol. 19, No. 4.

Sternberg, T.; Ahearn, A.; McConnell, F. Central Asian "Characteristics" on China's New Silk Road: The Role of Landscape and the Politics of Infrastructure // *Land*, 2017, Vol. 6, No. 3, pp. 1-16.

Stroński, P.; Ng, N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for International Peace, February 2018. Mode of access: https://carnegieendowment.org/files/331_Stroński_Ng_brief.pdf

Cooperation / Mitsui & Co. Global Strategic Studies Institute Monthly Report. August 2019.

Lunev, S.I. Regionalizatsiya i integratsiya: Indiya i Yuhnaya Aziya (Regionalization and Integration: India and South Asia). Moscow: Yurajt, 2019.

Lunev, S.I.; Yurtaev, V.I. Indiisko-iranskie otnosheniya v 2018 g. (Indian-Iranian Relations in 2018) // *West-East-Russia 2018. Yearbook* / Ed.: A.S. Prozorovsky, V.G. Khoros. Moscow: IMEMO RAS, 2019, pp. 37-41.

Mumford, A. Theory-Testing Uyghur Terrorism in China // *Perspectives on Terrorism*, 2018, Vol. 12, No. 5, pp. 19-21.

Roul, A. South Asia: Hotbed of Islamist Terrorism // *National Bureau of Asian Research*, 2008, Vol. 19, No. 4.

Sternberg, T.; Ahearn, A.; McConnell, F. Central Asian "Characteristics" on China's New Silk Road: The Role of Landscape and the Politics of Infrastructure // *Land*, 2017, Vol. 6, No. 3, pp. 1-16.

Stroński, P.; Ng, N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for International Peace, February 2018. Mode of access: https://carnegieendowment.org/files/331_Stroński_Ng_brief.pdf

References:

Basit, A. Attacks On Chinese Nationals and Interests in Pakistan Are Likely to Continue. Here's Why // *South China Morning Post*, November 27, 2018;

Basit, A.; Mahmood, S.; Bashar, I.; Siyech, M.S. South Asia. Afghanistan, Pakistan, Bangladesh, India // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2018, Vol. 10, No. 1, p. 36.

Basitis, A.; Basharis, I.; Siyech, M.S.; Mahmoodis, S.; Gunasingham, A. South Asia: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1.

Giustozzi, A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure. Oslo: Land Info. August 2017.

Gunaratna, R. Global Threat Forecast 2019 // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1.

Hanauer, Larry; Chalk, Peter. India's and Pakistan's Strategies in Afghanistan: Implications for the United States and the Region. RAND Corporation, 2012.

Jadoon, A.; Mahmood, S. Fixing the Cracks in the Pakistani Taliban's Foundation: TTP's Leadership Returns to the Mehsud Tribe // *Combating Terrorism Sentinel*, 2018, Vol. 11, No. 11, pp. 21-25.

Keinon, H. JCPA Analyst: 1,000 Chinese Jihadists Training in Pakistan // *The Jerusalem Post*, June 25, 2014.

Kitade, D. Central Asia Undergoing a Remarkable Transformation: Belt and Road Initiative and Intra Regional

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021

THE PROBLEM OF TERRORISM AND APPROACHES TO AFGHANISTAN IN THE RUSSIA-INDIA-CHINA TRIANGLE

Sergey I. Lunev

*MGIMO University,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 29.01.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 10.03.2020</p>	<p>Abstract: The article deals with the problems of joint actions of Russia, India, and China to mitigate the terrorist threat from Islamist terrorists in the Central part of Eurasia. The author comes to the conclusion that, from an objective point of view, the three giants have completely uniform approaches to terrorism, separatism and extremism. Moreover, along with the refusal to accept the monopolar structure of the world system, it is the fight against such radicalism that is the main parameter contributing to the real existence of the triangle. However, the concrete actions of the three powers do not indicate any established cooperation. The analysis shows that the main reason is the policy of China, which is extremely wary of India and prefers Russia to stand alone against terrorist activity in the region. Joint public statements remain pure declarations, not supported by real steps. In the fight against Islamist terrorism in the PRC itself, Beijing does not take action to limit external support for Uighur radicals (and doesn't, for example, exert any pressure on Islamabad, dependent on China, to limit the activities of Pakistan's Inter-Services Intelligence, which has close contacts with the main Islamist organizations of South and South-East Asia, Central Asia, Afghanistan, and China itself), preferring independent actions.</p> <p>Russia has gone to fairly broad cooperation with different countries, as well as with regional and global organizations in the fight against international terrorism. Particular importance is attached to the development of contacts on this issue with key strategic partners (China, India, Kazakhstan) and the work of organizations such as the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization. Anti-terrorist operations are constantly carried out, however, outside the Russian Federation they are carried out only in very rare cases. On the formal side, Russia is taking certain steps to limit the spread of radical Islamic ideas in the region. The counter terrorism centers and anti-terrorism programs created within the framework of the SCO and the CSTO have been widely advertised. However, there is essentially no practical impact from them, and many structures simply duplicate each other (including in terms of lack of efficiency).</p> <p>Therefore, it is imperative to establish a significant rapprochement between the three giants on the issue of countering the terrorist threat, although neither the scope nor the framework of interaction has been clearly defined yet.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University; Professor of National Research University Higher School of Economics</p> <p>e-mail: silounev@gmail.com</p>	
<p>Key words: Russia; China; India; Afghanistan; Islamist terrorism; joint action</p>	

Для цитирования: Лунев С.И. Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 76-88.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021

For citation: Lunev, Sergey I. Problemy terrorizma i podkhody k Afganistanu v treugol'nike Rossiya-Indiya-Kitay (The Problem of Terrorism and Approaches to Afghanistan in the Russia-India-China Triangle) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 76-88.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021